

Научные конференции

Claus-Christian SCHUSTER
Near the walls of the Sleeping
Handsome Prince's Castle
*The St. Petersburg Conservatory
remembers its founder*

The article contains a survey of the 16th Readings of the Manuscript Department of the St. Petersburg Conservatory Scientific Music Library (April 28–29, 2014). The Readings were dedicated to the 185th anniversary of Anton Rubinstein. The survey gives short information about the program of the Readings and the subjects of the reports.
Key words: Anton Rubinstein, St. Petersburg Conservatory, Scientific Music Library, reports.

Клаус-Кристиан ШУСТЕР
**У стен замка
спящего красавца**
*Петербургская консерватория
вспоминает своего основателя*

Статья содержит обзор XVI Чтений отдела рукописей Библиотеки Петербургской консерватории, посвященных 185-летию А. Г. Рубинштейна (28–29 апреля 2014 года). Даются краткие сведения о программе Чтений и о содержании 12 докладов.
Ключевые слова: А. Г. Рубинштейн, Санкт-Петербургская консерватория, Научная музыкальная библиотека, доклады.

Внимательному читателю многочисленных западно-европейских музыкальных журналов второй половины XIX столетия сразу же бросается в глаза, как часто там встречается имя Антона Григорьевича Рубинштейна, которого упоминают в основном как композитора, нежели как пианиста. Но от того, кто продолжит изучение журналов первых десятилетий XX века, не может ускользнуть почти бесследное исчезновение этого имени, а современный западный любитель музыки с именем Рубинштейна связывает исключительно пианиста-однофамильца по имени Артур. Между тем богатое творческое наследие великого мастера вполне заслуживает не только музыковедческого изучения, но и живого исполнительского внимания.

В связи с 185-летием Антона Григорьевича Рубинштейна ему были посвящены XVI Чтения Отдела рукописей Библиотеки Петербургской Консерватории, которые проводились 28–29 апреля 2014 года. У слушателей и участников Чтений появилась надежда, что разбудить этого «спящего красавца» и вернуть его творчество в концертную жизнь — дело вполне достижимое и, прежде всего, желательное и стоящее.

Первым научным заседанием руководила директор Библиотеки, Елена Владимировна Некрасова, которая

вот уже почти 40 лет отдает свои силы Петербургской консерватории и ее богатейшему и ценнейшему наследию. Она приветствовала участников с трогательной материнской теплотой и тут же передала слово ректору Михаилу Ханоновичу Гантваргу, вслед за которым Наталья Ивановна Дегтярева, проректор по научной работе, покорила аудиторию своим свободным и убедительным вступительным словом.

Перед началом Чтений Тамара Закировна Сквирская и Татьяна Андреевна Зайцева представили одиннадцатый выпуск «Петербургского музыкального архива», посвященный новым материалам к творческой биографии Петра Ильича Чайковского. Этот выпуск, как и предыдущие в этой замечательной серии, отличается богатством изложенного материала и глубиной научной трактовки.

В европейской музыкальной литературе XIX столетия имена Рубинштейна и Чайковского встречаются почти всегда неразрывно, притом, как правило, Рубинштейну уделяется больше внимания и почтения, чем его гениальному ученику. Поэтому представление этого нового сборника явилось идеальной исходной точкой для размышлений участников Чтений о загадочно противоречивой и во многом печальной истории присутствия, или вернее, отсутствия творчества Рубинштей-

на в концертной жизни Европы последнего столетия. Подходящий фон для этих размышлений предоставил московский пианист Виктор Иванович Рябчиков, который сыграл, как музыкальное вступление к Читениям, G-dur'ный Ноктюрн (op. 69 № 2) и обработку знаменитого романса «Ночь» (op. 48 № 8) Рубинштейна.

Ряд научных докладов открыла Тамара Закировна Сквирская (Петербург). Она дала сжатый и очень содержательный обзор рубинштейновских материалов в Отделе рукописей Библиотеки Петербургской консерватории, которым заведует. Наряду с редкими музыкальными автографами Рубинштейна (многие из которых были рассеяны по всему миру вследствие закрытия кельнского музея Вильгельма Фердинанда Гейера в 1927 году), с его библиотекой и с обширным иконографическим материалом особый интерес представляет уникальный фонд, включающий 413 писем Рубинштейна. Значительная их часть до сих пор не издана и даже еще не транскрибирована. В этом кроется, наверное, самая важная задача музыковедения касательно А. Г. Рубинштейна, решение которой потребует особых усилий. Интересный вклад в рубинштейновское наследие консерватории внесла беззаветная поклонница музыканта Мария Ивановна Малофеева, которая составила двухтомное собрание различных прижизненных и посмертных материалов и документов о его деятельности под названием «Заметки о А. Г. Рубинштейне». Из доклада Татьяны Александровны Хопровой (Петербург), видного специалиста, автора монографии о Рубинштейне, опубликованной в 1987 году, стало ясно, что и к этому «любительскому» источнику стоит обратиться. Излагая высказывания великого композитора о его излюбленном проекте создать новый жанр «духовной оперы», Хопрова опиралась на специально заказанные новые переводы немецких статей Рубинштейна по этой теме, между тем как современные русские версии почти всех этих выступлений можно было найти в «Заметках» Малофеевой. В своем интересном докладе Т. А. Хопрова коснулась и отрадного явления возрождения ряда сочинений. Ими Рубинштейн хотел положить начало этой новой форме сценической музыки с явной целью создать альтернативу вагнеровскому пути развития оперного жанра.

Выступление Т. А. Хопровой послужило логичным переходом к своеобразному эмоциональному апогею Читений — рассказу Антона Георгиевича Шароева (Тюмень), в лице которого аудитория приветствовала правнука Антона Григорьевича Рубинштейна. То, чего ему недостает в «законности» (его дедушка, знаменитый певец Иоаким Викторович Тартаков, внебрачный сын Рубинштейна, в свою очередь стал отцом внебрачно рожденного бакинского пианиста Георгия Георгиевича Шароева), он с лихвой компенсирует своей незаурядной любовью к великому предку. Известный дирижер и квартетист (его еще в 1950-е годы называли «первым вторым скрипачом мира») посвятил не менее 12-ти лет восстановлению и воскрешению монументального завещания Рубинштейна — духовной оперы «Христос»

(op. 117). Именно в этом Шароев видит основную задачу и настоящий смысл своей жизни. Рубинштейн с 1887 года работал над этим произведением, но до его сценической премьеры он так и не дождался. Концертная премьера оперы состоялась в Штутгарте менее чем через полгода после его смерти. Спустя 110 лет после завершения «Христа», который многие десятилетия считался утерянным, Шароев дирижировал его первым исполнением в сокращенной версии в Тюмени в 2003 году. Не удивительно, что выступление дирижера перешло в эпический отчет о его долголетних и настойчивых стараниях вокруг «реабилитации» почти забытого творчества Рубинштейна. Отрадно, что за последние годы «Христос», как и ряд крупных сочинений великого мастера, снова прозвучал во многих городах мира.

Иная судьба у другого, менее масштабного, но не менее примечательного произведения Рубинштейна, о котором мне довелось вкратце рассказать участникам Читений. Речь идет о последнем из его пяти фортепианных трио, Трио c-moll op. 108 (1883). При изучении путей развития этого жанра, который навсегда останется в тени струнного квартета, я наткнулся на интересный факт: как раз последние два трио Рубинштейна никогда не входили в репертуар ведущих ансамблей, в то время как их юношеские предшественники (op. 15 и op. 52) долгие годы пользовались немалой популярностью. Пытаясь понять причины такого пренебрежения, я скоро убедился в том, что последнее трио особенно отличается необычайной смелостью замысла и оригинальностью композиторских решений, что, наверное, и отпугивало исполнителей, не находивших в нем «хорошо им известного» Рубинштейна. Возможно, что возвращение именно этих поздних камерных сочинений композитора (к ним относятся и последние струнные квартеты op. 90 и op. 106) могло бы способствовать возрождению творчества Рубинштейна в наши дни.

В завершение первого заседания Читений слово было предоставлено Йохену Хойслеру (Нюрнберг). Он обратил наше внимание на целый ряд музыкантов, происходивших из Нюрнберга или имевших отношение к этому франконскому городу, которые жили и творили в России в XVIII и XIX столетиях. Многие из них были в разной степени связаны с братьями Рубинштейнами. Доклад был иллюстрирован интересным и редким иконографическим материалом.

Вторым научным заседанием руководила Тамара Сквирская. Его открыла Елена Владимировна Грумад (Петербург) отчетом о письмах Рубинштейна, которые в 2007 году поступили в фонды Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Эти письма, преимущественно личного содержания, дополняют «официальный» облик неутомимого творца и деятеля некоторыми интимными штрихами.

Вслед за этим Андрей Александрович Алексеев-Борецкий (Петербург) ознакомил нас с обширным количеством деталей, освещающих причины и обстоятельства первого ухода в 1867 году Рубинштейна с поста дирек-

тора основанной им консерватории, опираясь, в том числе, на информацию так называемого «Дневника Демидова», автором которого на самом деле является, по всей вероятности, Рудольф Аменда (1831 — после 1885, кстати, внук близкого друга Бетховена). Выступление молодого музыковеда пленило слушателей не только своим содержанием, но и его артистической риторикой и тонким юмором.

В центре доклада Григория Анатольевича Моисеева (Москва) стояли, наряду с другими малоизвестными письмами из московских архивов, письма Антона Григорьевича к Эдите Федоровне фон Раден (1823–1885, с 1852 по 1873 — фрейлина Великой княгини Елены Павловны), находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Часть этих писем даже не издана, а часть опубликована Л. А. Баренбоймом со значительными сокращениями. По загадочным причинам эта переписка, едва ли не самая содержательная в литературном наследии Рубинштейна, внезапно обрывается в конце 1871 года. Ввиду особого внимания, которое заслуживает как раз эта корреспонденция, полное ее опубликование явилось бы существенным расширением и желанным обогащением наших знаний о Рубинштейне.

Малоизвестной теме дружбы между Рубинштейном и отцом Игоря Стравинского посвятила свое выступление Анна Сергеевна Виноградова (Москва), обрисовав в сжатой форме взаимоотношения между композитором и певцом. Рубинштейн выразил свою благодарность Федору Игнатьевичу Стравинскому, неоднократно и убедительно исполнявшему партии главных персонажей в рубинштейновских операх, посвятив ему «Балладу» (стихи Тургенева, без опуса, 1891).

Владимир Александрович Сомов (Петербург) своим докладом сумел внести существенные коррективы в портрет жены Рубинштейна, Веры Александровны Чекуановой. Л. А. Баренбойм, чья двухтомная монография (1957–1962) до сих пор является основным трудом о А. Г. Рубинштейне, а также его предшественники и последователи, создали явно отрицательный образ той женщины, руки которой Рубинштейн безуспешно просил уже в 1859 году и на которой он женился шесть лет спустя в Баден-Бадене. Но в цитируемых В. А. Сомовым неопубликованных письмах Веры Александровны, хранящихся в Петербургской консерватории и Российской национальной библиотеке, мы видим умную, образованную и чувствительную женщину, которой выпала доля отнюдь не легкая. Эти письма могут дать ценные дополнения к биографии Рубинштейна.

Связь между Рубинштейном и Балакиревым, который уже много лет стоит в центре научной работы Т. А. Зайцевой (Петербург), была освещена в ее докладе; в нем были широко использованы материалы из писем А. Н. Серова к А. А. Кирееву. В описании противоречивых и сложных взаимоотношений всех этих своеобразных личностей Зайцева метко показала антагонизм между «врагом-благодетелем» и «благодетелем-врагом».

Иосифу Генриховичу Райскину (Петербург) досталась нелегкая задача завершить широкий круг этих многоцветных рубинштейновских Чтений, и он с ней справился виртуозно. Его юмористический отчет о приобретении в октябре 1974 года в ленинградском букинистическом магазине пяти редких книг за бесценнок (тогдашний эквивалент 2 кг сыра) обогатил наш рубинштейновский праздник еще одной отрадной перспективой: эти пять книг, содержащие дарственные автографы разных лиц Балакиреву, обещаны библиотеке Петербургской консерватории.

Плотное расписание Чтений открыло участникам возможность использовать следующий день целиком для экскурсии «А. Г. Рубинштейн в Петербурге», которую тщательно и с большой любовью организовала Е. В. Некрасова. В качестве экскурсовода выступил А. А. Алексеев-Борецкий, чьи, по всей видимости, просто неисчерпаемые знания в области музыкальной истории Санкт-Петербурга, так же, как и его невозмутимое остроумие, превратили эту экскурсию не только в занимательное, но и назидательное завершение научных Чтений. После посещения нескольких мест, тесно связанных с историей Петербургской консерватории, нас повезли к дому, в котором Антон Григорьевич Рубинштейн проживал в годы второго директорства (1887–1891), дому № 38 по улице, которой в честь 100-летия со дня его рождения присвоили его имя и которая с 1798 до 1929 называлась Троицкой. Отсюда наш маршрут пролегал через одну из самых «музыкальных» магистралей Петербурга, нынешнюю улицу Марата (с 1856 до 1917 Николаевская улица), мимо мемориальных досок, напоминающих о А. К. Лядове, М. П. Беляеве и Д. Д. Шостаковиче, и по Невскому проспекту к Тихвинскому кладбищу Александровской лавры. Перед памятником А. Г. Рубинштейну Эра Суреновна Барутчева, которая уже накануне показала участникам Чтений сокровища открытого по ее инициативе в 1969 году Музея консерватории, рассказала печальную историю этой могилы: в 1938 году могилу из Никольского кладбища, где ее раньше украшала каменная часовня с шатровым завершением, перенесли сюда. При этом перезахоронении изящный могильный памятник был утрачен и заменен неуклюжим и холодным постаментом, над которым прижизненный бюст (Берлин, 1889; бронзовая отливка — Санкт-Петербург, 1900) смотрится совершенно потерянным. После короткого обхода кладбища, которое представляет собой уникальную святыню духовной истории России, мы отправились в Царское Село. Там, в доме Теппера де Фергюсона, Алексеев-Борецкий вместе с Некрасовой подготовил нам тройной праздник: интереснейший рассказ о богатой истории этого примечательного дома и о его знаменитых жителях, маленький камерный концерт из сочинений Рубинштейна. И в качестве заключения, состоялся дружественный прием, который Елена Владимировна украсила, демонстрируя при этом акустические достоинства дома, пушкинскими стихами «Пора, пора! Пога трубят...»